

К. А. Сомовъ.—„Въ старые годы“.
Собрание А. А. Коровина.

СТОЛИЦА и УСАДЬБА

ШОКОЛАДЪ КАКАО
ЖОРЖЪ БОРМАНЪ

№ 73.
(первый № подписки 1917 г.).
Отд. № въ Петроградѣ—95 к.,
въ провинціи и на вокзалахъ—1 р. 10 к.

СРЕДИ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Любитель книгъ и книжныхъ иллюстрацій, старинной мебели и фарфора, хрустала, цвѣтного стекла, да и всякій, для кого быть и прошлое не праздною глаголю, найдетъ много интереснаго въ книгѣ Ив. Лазаревскаго „Среди коллекціонеровъ“, которая вышла на дняхъ вторымъ изданіемъ (первое появилось два года назадъ). Авторъ скромно отвергаетъ претензіи на „ученость“ и проситъ читателя смотрѣть на его „замѣтки“ только какъ на „впечатлѣнія собирателя“, но въ этихъ „замѣткахъ“, а на самомъ дѣлѣ цѣлыхъ статьяхъ (напр., о рѣдкихъ русскихъ изданіяхъ, о русскомъ цвѣтномъ хрусталѣ и стеклѣ), столько знаній, почерпнутыхъ изъ книгъ и изъ собирательскаго опыта, столько личныхъ воспоминаній, а, главное, любви къ старинѣ и искусству, Лазаревскаго мѣсто гораздо выше обыкновеннаго дилетантскаго уровня. Эта книга рассказываетъ о прекрасномъ и о влюбленныхъ въ прекрасное, о чудачествахъ коллекціонеровъ, объ антикварахъ, о поддѣлкахъ; она и заставляетъ начинающихъ собирателей, и предостерегаетъ отъ крайнихъ увлеченій коллекціонерства, которое, къ сожалѣнію, слишкомъ часто теряетъ изъ виду свою конечную цѣль — искусство и само становится однимъ изъ самыхъ смѣшныхъ видовъ „искусства для искусства“. Русская культура подобными работами еще очень бедна, и ей онѣ особенно нужны. Появленіе въ послѣдніе годы такихъ книгъ, какъ эта, какъ труды В. А. Верещагина, С. Н. Троицкаго, и покойнаго бар. Н. Н. Врангеля и еще нѣскольکو подобныхъ, одно изъ отраднѣйшихъ знаменій нашего времени.

Почтенный авторъ напрасно не указалъ, что знаменитый масонскій трактатъ „Духовный рыцарь или ищущій премудрости“ принадлежитъ И. В. Лопухину и былъ напечатанъ, по всей вѣроятности, въ Компанейской типографіи (см. „Масонскіе труды И. В. Лопухина“, подъ ред. В. Е. Саводника, М., 1913). Полное описаніе „Театральнаго Альбома“ 1842 г. далъ Н. Оболянинъ въ „Русс. Библиофилѣ“ 1912 г., № 6).

Московское издательство К. Ф. Некрасова выпустило популярную книжку А. М. Скворцова о знаменитомъ живописцѣ XVIII вѣка Д. Г. Левицкомъ. Очеркъ г. Скворцова не болѣе, какъ композиція (изъ трудовъ Дягилева, Бенуа, Врангеля), но композиція умѣло сдѣланная.

Въ Левицкомъ есть что-то общее съ его землякомъ Гоголемъ — и по духу, и по личнымъ судьбамъ: та же любовь къ внѣшнимъ соблазнамъ земнымъ, то же упоеніе роскошью и блескомъ жизни, та же иронія высшей натуры и та же борьба во имя возрѣнія на жизнь, какъ на трудное дѣло Божье. Около 40 иллюстрацій на мѣловой бумагѣ, среди которыхъ есть, къ сожалѣнію, нѣсколько неудачныхъ, воспроизводятъ самые лучшіе и характерные портреты, созданные великимъ наблюдателемъ человѣческихъ душъ. Русское XVIII столѣтіе Левицкимъ и увѣковѣчено, и воспѣто, и разоблачено. Любуясь его картинами (помнимъ ихъ по исторической портретной выставкѣ въ Таврическомъ дворцѣ), мы и восхищаемся его вѣкомъ, и присутствуемъ на судѣ надъ нимъ художника-мудреца, который не умѣлъ лгать и возвелъ въ перлы красоты и низменную натуру Протасовой, и милую пустоту Ланскаго, и первый въ искусствѣ постигъ двойственность Александра Павловича.

„Скучно, дай мнѣ человѣка съ бурною душой!“ Этимъ тоскливымъ вздохомъ русскаго поэта можно формулировать одинъ изъ основныхъ мотивовъ современной европейской литературы. Главная причина успѣха пинкертеновщины — тоска по личностной цѣльности и силѣ. Пинкертонъ вовсе не образецъ свободнаго героя, низокъ и узокъ его полудейско-буржуазный „идеалъ“, но онъ умѣетъ рисковать собою, онъ энергиченъ, дѣятеленъ — и беретъ своихъ читателей такъ же, какъ беретъ преступниковъ, которыхъ выслѣживаешь. „Коль любить, такъ безъ разсудка; коль рубить, такъ ужъ сплеча...“ Любовь, сильная какъ смерть, дружба, заставляющая жертвовать жизнью, ревность жгучая, толкающая на убійство, сладострастіе безумное, звѣрино-божественное, храбрость львиная, дикая — современный читатель ко всему этому относится осторожно-скептически, не вѣритъ въ это, какъ въ бабушкины сказки. Но все-же любить, слушать эти сказки, эти старинныя были, такую бѣду разсказалъ одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ французскихъ писателей — Клодъ Фарреръ. Его героиня — „Корсаръ изъ С.-Мало“ (такъ называется романъ, перев. Е. Преображенской), пылкая испанка, любовница корсара, беззаветно храбрый корсаръ и флибустьеръ. Время — вторая половина XVII в., расцвѣтъ флибустьерства въ Атлантическомъ океанѣ, гдѣ, въ районѣ Антильскихъ острововъ, возникла настоящая республика „вѣтязей Фортуны“, „рыцарей кошелька“, съ которыми еще долго пришлось европейскимъ государямъ бороться на моряхъ. Фарреръ написалъ авантюрный романъ въ нарочито-наивныхъ, красочно-лубочныхъ тонахъ, но сохранилъ свой вдумчивый психологизмъ и то отношеніе къ европейской цивилизованной жизни, которое выразилъ въ своихъ прежнихъ романахъ („Человѣкъ, который убилъ“, „Цвѣтъ цивилизаціи“), заслуженно популярныхъ и въ англійскихъ, флибустьеръ XVII вѣка, читаль „Евгенія Онѣгина“, — а у русскаго переводчика онъ говоритъ о „наукахъ страсти и жной“ (стр. 108).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 годъ
(7-й годъ изданія).

РУССКІЙ БИБЛИОФИЛЪ.

Историко-литературный и библиографическій
иллюстрированный журналъ.

Основанъ Н. В. СОЛОВЬЕВЫМЪ.

Выходитъ 8 разъ въ годъ.

Въ 1917 г. журналъ будетъ выходить подъ редакціей издательницы В. А. Соловьевой-Трефиловой и при ближайшемъ участіи редакціоннаго совѣта изъ кружка постоянныхъ сотрудниковъ. Журналу общано содѣйствіе ряда литературныхъ силъ.

Подписная плата 15 руб. въ годъ.

Подписка принимается въ конторѣ типографіи „Сиріусъ“ — Петроградъ, Рыночная, 10, и въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Вольфъ и „Новаго Времени“.

Редакція — Петроградъ, Невскій, 59.

ПЕТРОГРАДСКІЙ БАНКЪ.

(Продолжаетъ дѣла Банкирскаго Дома
„Маврикій Нелькенъ“).

ПРАВЛЕНІЕ БАНКА:
Петроградъ. Невскій пр., 22.

Петроградскій Банкъ
открылъ свои дѣйствія
2-го Января 1917 года и
производитъ всѣ разрѣ-
шенные Уставомъ Банка
операціи.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

№ 73.

ЖУРНАЛЪ КРАСИВОЙ ЖИЗНИ

ФЕВРАЛЬ 1917
ПЕТРОГРАДЪ

Журналъ выходитъ съ 15 декабря 1913 г.

Почти всѣ №№ 1914 и 1915 г., также первые десять №№ 1916 г. распроданы. Открыта подписка на 1917 годъ— въ Петроградѣ—16.75, въ Россіи—18.75, за границей—45 франк. Отд. номеръ—95 коп. Допускается разсрочка: при подпискѣ—6 р., 1 апрѣля—6 р. и 1 сентября—остальные. Пробный № для ознакомленія высылается за 40 коп. Перем. адреса иногород. на иногород. и иногород. на городск.—50 коп.; городск. на иногород.—2 р. 50 коп. Объявленія въ текстъ (съ цензурой редакціи)—по 80 коп. строка нонпарели (1/4 ширины страницы); страницы 400 руб. № 74 выйдетъ 15 января 1917 года. Редакція—Каменный Островъ, соб. д., тел. 145-25. Контора—Невскій, 28 (д. Зингера), тел. 260-51 и 171-38. Подписка на 1917 годъ начинается съ этого №. Отдѣленіе конторы въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, магазинъ Т-ва М. О. Вольфъ.

УСАДЬБА ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Барскій домъ въ Сивцевѣ.

«Ст. и Усад.»—№ 73.

СИВЦЕВО.

Имѣніе Сивцево, Калужской губерніи, Тарусскаго уѣзда, было пожаловано Императрицей Екатериной II поэту Александру Петровичу Сумарокову, который много годов проживалъ тамъ; эта вотчина оставалась въ его семьѣ до конца 20-хъ гг., когда перешла во владѣніе ихъ дальней родственницы Татьяны Львовны Миллеръ, рожденной Толстой, бабушки нынѣшнихъ владѣльцевъ Сивцева, Миллеръ и Хрущевыхъ. Старый, живописный, тѣнистый паркъ, еще хорошо сохранившійся, былъ разбитъ и насаженъ при поэтѣ Сумароковѣ, и также сохранились нѣкоторыя зданія этой эпохи.

Въ Сив-
цевѣ.
Москов-
скій піа-
нистъ Н. А.
Орловъ,
его братъ
Г. А. Ор-
ловъ и
О. В. Мил-
леръ на
лодкѣ.

Терасса Сивцевскаго дома.
Съ картины К. Я. Крыжницкаго.

Окрестности Сивцева.
Съ картины К. Я. Крыжницкаго.

Въ паркѣ Сивцева.
Съ картины К. Я. Крыжницкаго.

Теперешній трехъ-этажный каменный домъ построенъ въ 1832 г. генераломъ Ф. И. Миллеромъ, участникомъ Отечественной войны и Крымской кампаніи, во время которой онъ состоялъ начальникомъ Тарусскаго ополченія.

Позтичный прудъ среди сада, окруженный старыми дубами и березами, украшаетъ этотъ тихій уголокъ.

Почти каждое лѣто подъ кровомъ гостепріимнаго Сивцевскаго дома собирается многочисленное общество друзей, знакомыхъ и родственниковъ владѣльцевъ, среди которыхъ пребывало немало выдающихся артистическихъ силъ изъ художественнаго и музыкальнаго міра.

ОСТРОВА САМОА.

Самоа до войны принадлежали Германии. Теперь острова взяты Англией, и на них введена уже английская администрация. Тамъ война не внесла никакихъ разрушений, не нарушила нормального течения жизни этихъ благодатныхъ острововъ...

Въ августъ 1914 г. полковникъ Робертъ Логанъ, командовавший новозеландской эскадрой, прибылъ въ Апію и заявилъ, что острова завоеваны Англией!.. Тамъ дѣло и кончилось, острова стали английскими.

Всѣ административныя распоряженія печатаются здѣсь теперь на английскомъ, нѣмецкомъ и мѣстныхъ нарѣчьяхъ. Въ ходу остались еще нѣмецкія

Четыре года назадъ поэтъ К. Бальмонтъ былъ на островахъ Самоа. Теперь въ „Бирж. Вѣдом.“ онъ напечаталъ отрывки изъ своего дневника. Въ нихъ много интереснаго. Дневникъ печатается съ опозданиемъ, но тамъ, на „островахъ счастливыхъ“, ничего не измѣнилось. Что вмѣсто нѣмецкаго флага гдѣ-то на океанѣ развѣвается англійскій флагъ,—самоанцамъ безразлично.

Жизнь въ тропикахъ, убивающихъ энергію и разумъ своею роскошью природы, намъ хороша только

деньги, и ихъ принимаютъ одинаково съ английскими, по курсу, какой былъ до войны.

Главный источникъ доходовъ этихъ острововъ — копра (изъ кокосовыхъ орѣховъ) и какао. Въ послѣднее время устраиваются плантаціи каучуковыхъ деревьевъ.

Сюда стремится много китайцевъ, и въ зависимости отъ этого появился цвѣтной вопросъ: туземцы плохо выдерживаютъ конкуренцію этихъ желтыхъ работниковъ.

Наши снимки сняты до войны, но на островахъ ничего не измѣнилось и теперь—то же яркое, вѣчное солнце, тѣ же спокойные люди, тотъ же избытокъ тепла, усыпляющій мозгъ человѣка, но зато дѣлающій жизнь болѣе радостной, чѣмъ въ нашихъ густонаселенныхъ широтахъ: борьба за существованіе несравнимо сильнѣе у насъ, а тамъ хватаетъ на всѣхъ благъ природы, даже съ избыткомъ...

для смѣны впечатлѣній, на недѣли, мѣсяцы—не больше, но теперь, среди хаоса Европы, невольно мечтаешь объ „островахъ счастливыхъ“...

Апія—европейское, преимущественно нѣмецкое поселеніе, перепутанное съ самоанскими домами, сквозными и крытыми соломой, вѣтрице изсохшими пальмовыми листьями. Европейцевъ немного. Какъ вездѣ въ этихъ южныхъ моряхъ, они занимаютъ лишь самую ближнюю къ морю береговую полосу. Они прѣзжаютъ сюда лишь изъ корысти. Добыть богатая созданія здѣшней изобильной природы и увезти это въ свою жадную Европу. Естественно, они поселяются поближе къ кораблямъ. Въ нѣкоторыхъ же, къ сожалѣнію немногихъ уже, мѣстахъ, какъ Новая Гвиней, они и не смѣютъ селиться иначе, какъ вдоль по узкой береговой полосѣ. Тамъ, въ глубинѣ лѣсовъ, надъ опушкой которыхъ, надъ самымъ берегомъ, высоко паритъ въ воздухѣ красивѣйшая приморская птица, фазонъ, еще грозно свѣтитъ своими глазами курчавые папуа, по-прежнему наклонные возобновлять зловѣща пиршества человѣкоубійствъ.

Здѣсь, въ лагунныхъ моряхъ изумруднаго Самоа, уже давно не совершаются эти чудовищныя торжества. Но когда о нихъ говорить съ какимъ-нибудь немолодымъ самоанцемъ, въ глазахъ

Мѣстные пироги въ бухтѣ Апіи, на Самоа.

его странная утайка. Ее разгадать трудно. Не только это извѣстная степень обиды на европейца, ранящаго неосторожнымъ вопросомъ туземную впечатлительность, но и какое-то смутное воспоминаніе о чемъ-то очень далекомъ, что непонятно вотъ этому чужому, но что навѣрно понятно ему, цвѣтному сыну Полинезіи.

Три постоялыхъ двора, именующіеся отелями, скорѣе забавны. Одинъ нѣмецкій, гдѣ я поселился, онъ дешевле; другой—англійскій, съ притязаніями, главное изъ нихъ биліардная; третій—неописуемая малая харчевня американскаго образца. Мой отель, какъ всякій здѣсь, есть въ точности постоялый дворъ. Нѣсколько ком-

Самоанская деревня.

САМОА.

Водопадъ въ тропическомъ лѣсу на одномъ изъ остр. Самоа. Любимая забава туземцевъ—падать
внизъ вмѣстѣ съ водою.

нат при кабачкѣ, всѣ безъ оконъ, лишь со стеклянной дверью на балконъ. Спать приходится съ открытой дверью, лишь занавѣсивъ входъ самоанской циновкой, на которой въ изысканномъ строѣ протянулись геометрическія фигуры, линейная символика волнъ, рыбъ, раковинъ и звѣздъ. Въ нижнемъ этажѣ большая сараеподобная зала, гдѣ уныло ѣдятъ презаблудную пищу нѣсколько европейцевъ, не свѣже пятнадцати, но чаще пять. Самоанцы въ своихъ круглыхъ сквозныхъ домахъ живутъ красивѣе и здоровѣе, чѣмъ европейцы, и питаются лучше. Наловивъ рыбы, они не продаютъ ея, а поѣдаютъ сами. Въ этой стройной залѣ, въ дни прѣзда кораблей, устраиваются фестивали съ плясками, а иногда и съ побоищами, какъ бы въ предчувствіи будущихъ войнъ.

Въ библиотечной комнатѣ, гдѣ и пишу, нѣсколько столовъ: этажерки, шкафы съ томами энциклопедій и убогими романами, бюсты Гете и Шиллера—о, гимназія!—а на стѣнахъ портреты, Шекспира, Бисмарка, Цепелина и основателя отеля. Стильно.

родѣ нашей дыни, неизбѣжныя яйца всмятку, пью чай. Черезъ минуту говорю китайцу по-русски: „еще чашку чаю“. Онъ смѣется и приноситъ мнѣ еще чашку чаю.

Выхожу гулять. Жарко. Пройдя немного, сажусь на толстый обрубокъ дерева, подъ зеленою тѣнью, у моря, закуривая папироску, и чувствую, что для того, чтобы не потерять благодушія, не нужно двигаться. Посидѣвъ такъ, возвращаюсь на свой балконъ и вижу, что комната моя еще не убрана. Это каждый день.

— Марія! — обращаюсь я къ самоанкѣ, которая слоняется, ничего не дѣлая, и укоризненно показываю на мою комнату.

— Хорошо, мистеръ, — говоритъ она на своемъ изумительномъ англійскомъ языкѣ. Съ усмѣшкой дергаетъ меня за рукавъ, съ ужимкой беретъ съ комода папиросу и, закуривъ ее, усаживается на стулъ, а чаще на постель, ибо это мягче. Но это мало подвигаетъ дѣло впередъ. Убѣждать Марію, Малию по-самоански, въ

Самоанская красавица.

Стеклянные двери выходятъ на балконъ. Море передъ глазами. И цѣлый день-деньской толкуютъ внизу голые самоанцы въ своихъ надбедренникахъ, сияя золотистыми счастливыми тѣлами, которая такъ же у мѣста на этомъ побережьи, какъ синія волны, опаловая раковины, кокосовыя пальмы, бамбуковыя рощи.

Я просыпаюсь въ 8 часовъ утра. Жаль, что европейецъ снаенъ во мнѣ, и я не встаю съ солнцемъ. Цѣлый мѣсяцъ картинъ и впечатлѣній пропадаетъ, и видишь ихъ, и ощущаешь ихъ лишь случайно, только изрѣдка. Надѣваю на босыя ноги туфли, а поверхъ ночной рубашки накидываю купальный халатъ, взыхаю и въ столь откровенномъ видѣ спускаюсь по главной лѣстницѣ. Иногда на ней стоятъ и разговариваютъ дамы и дѣвочки. Что жъ, немножко неловко, но въ обществѣ, по существу, мы всѣ вѣдь здѣсь дѣти солнца, и стыдиться благороднаго своего тѣла зачѣмъ же? Направляясь къ нѣкоторымъ задворкамъ, въ закутокъ, беру тамъ душъ, оживаю подъ токомъ воды, совсѣмъ изгоняю изъ мысли зыбкія ночныя сновидѣнія, гдѣ дальное переплескивало въ близкое, возвращаюсь въ свою душную комнату и, одѣвшись въ чешую или во все бѣлое, опускаюсь внизъ и завтракаю. Служить мнѣ китаецъ, тихій, ласковый юноша. Ымъ какіе-то желтые плоды, въ

чемъ бы то ни было совершенно бесполезно. Я беру книгу и ухожу въ читальню.

Иногда всхожу, минуя водопадъ и бамбуковую рощу, на высокую крутую гору, гдѣ схороненъ Стивенсонъ, жившій на Самоа нѣсколько лѣтъ, овладѣвшій самоанскимъ языкомъ и сумѣвшій внушить самоанцамъ большую любовь къ себѣ, такъ что, когда онъ умеръ, они по собственной волѣ отнесли тяжелый гробъ на эту крутую вершину, откуда широкій, пѣтистый видъ на коралловыя лагуны и залитый солнцемъ, переливающийся вольный океанъ. Около гробницы Стивенсона всегда цвѣтутъ красныя и золотыя цвѣты. Такой могилы пожелалъ бы себѣ любой викингъ, блуждающій по морямъ.

Послѣ обѣда новая прогулка въ многозвѣздной ночи, когда пальмы такъ таинственны, а морѣ шелеститъ такъ уныливо и такъ напоминательно. Самоанцы долго сидятъ въ своихъ открытыхъ домахъ. Я знаю, что они бездѣльники, и вижу черезъ вѣтви, что они играютъ въ карты. Во всемъ тишина, довольство и покой, какъ у насъ бываетъ въ юности.

Снова жарко. И снова душно. И вовсе жарко. Всякій холодъ лучше этой ошеломляющей жары. Въ холодѣ неуютно, но мысля

Вулканъ на одномъ изъ острововъ Самоа. Лава течетъ въ море, и всегда стоитъ громадный столбъ пара...

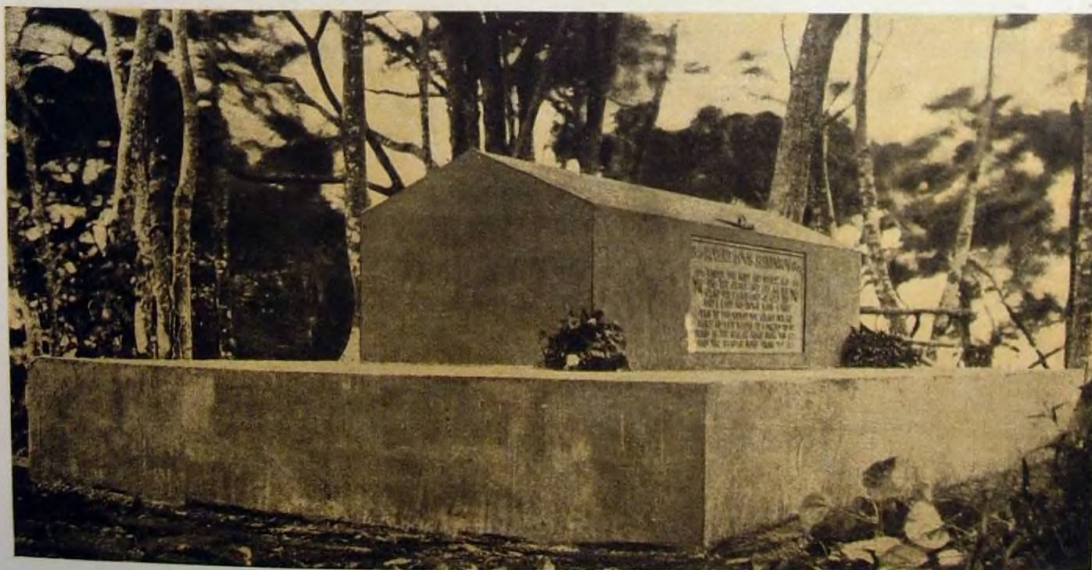
не убита. А здѣсь я съ утра до вечера въ оцѣпненіи. Ни читать, ни писать, ни гулять, ничего нельзя дѣлать,—а я европеецъ, я дѣйствительный. Помимо дѣланія чего-нибудь—что же еще есть въ этомъ мірѣ?

И вотъ изможенный я сижу на сѣдомъ пнѣ у взморья и смотрю, какъ мелькаютъ рыбы въ мелководьѣ, какъ тихонько дрожитъ, заплеснувши, волна. Надо мною дерево съ бѣлыми цвѣтами, крупныя раскрытыя чаши съ дурманнымъ духомъ. Какъ называется это дерево? Не знаю. Забылъ. Все забылъ. Всѣхъ забылъ. Хочу встать, не могу. Хочу овладѣть своей мыслью. Но

развѣ можно назвать мыслью то дремотное мечтаніе, которое упорно цѣпляется за вопросъ: почему эти пальмы такъ обрамляютъ все длинное морское побережье? Почему они тянутся къ морю и къ солнцу? Почему?

Такъ снова пройдутъ часы. И лишь когда послѣ краткаго заката опять глянетъ ночь съ своимъ множествомъ звѣздъ, какого не увидишь тамъ въ Европѣ никогда, я, какъ тѣнь, иду по взморью, возлѣ призрачныхъ пальмъ, овладающихъ душой музыкально, какъ музыкой покоя въ душѣ колонны Египетскаго храма, и въ душѣ пость стихъ.

Гробница Стивенсона въ Апіи, на о. Самоа.

„Орхидея“—рис. С. Лодыгина.

„СЪВЕРНЫЙ ЦВѢТОКЪ“.

Твоя красою блещетъ младость,
Ты на любовь сердцамъ дана,
Свѣтла, плѣнительна какъ радость
И какъ задумчивость нѣжна.
Твой голосъ, гибкій и прелестный,
Намъ вѣетъ музыкой небесной,
И сладкой тожностью своей
Любимой пѣсни онъ милѣй.

Но что такъ сильно увлекаетъ?
Что выше дивной красоты?
Ахъ! Тайна въ томъ: она плѣняетъ
Какимъ-то чувствомъ доброты.
Въ лицѣ прекрасномъ, бѣлоснѣжномъ
И въ алыхъ розахъ на щекахъ,
Вездѣ все дышетъ сердцемъ нѣжнымъ.
Оно и въ голубыхъ очахъ,
Оно въ улыбкѣ на устахъ...

Такъ восхищался графиней Е. М. Завадовской И. И. Козловъ. Въ этой женщинѣ, одной изъ самыхъ блистательныхъ представительницъ большого свѣта пушкинской эпохи, было въ самомъ дѣлѣ что-то поднимавшее душу. Sursum corda! — какъ бы говорила ея красота. Князь П. А. Вяземскій, получивъ отъ нея въ подарокъ нѣсколько перьевъ, писалъ ей:

...Въ одни часы высокихъ откровений
И безкорыстныхъ думъ и
стройныхъ впечатлѣній,
Столь чистыхъ, какъ душа чиста,
Когда затепаются въ ея прозрачномъ
лонѣ
Мечты, какъ искры звѣздъ на
свѣтломъ небосклонѣ.
Иль улыбаются, какъ солнце, красота;
Въ часы, когда небесъ доступна
намъ вершина,
Когда вокругъ души утихнеть
жизни шумъ,
И въ мысль одну и въ звукъ
единый
Сольются звучные потоки чувствъ
и думъ,
Тогда присвою я даръ, вами
освященный,
И, въ красотѣ признавъ поэзію
права,
Я вырву изъ души стихъ свѣжій,
вдохновенный,
Я душу облеку въ слова...

Въ ореолѣ этихъ поэтическихъ отзывовъ предстаетъ потомству прекрасный, изящный образъ графини Завадовской.

Графиня Елена Михайловна Завадовская, дочь генерала-отъ-кавалеріи, ген.-адъютанта Мих. Ѳеодор. Влодека (1780—1849) и жены его, фрейлины Александры Димитр., рожд. граф. Толстой (1785—1847), происходила изъ старинной подольскій дворянской семьи, родилась 2 дек. 1807 г., рано расцвѣла и на семнадцатомъ году вышла за графа Завадовскаго. 1 ноября 1824 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, извѣщая его, что вскорѣ выйдетъ альманахъ „Сѣверные Цвѣты“: — „одинъ сѣверный цвѣтокъ, и прекраснѣйшій, вчера сорванъ графомъ Завадовскимъ“ („Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ“, III, 90).

Графъ Василій Петровичъ Завадовскій (род. въ 1798 г.) былъ младшій сынъ фаворита Екатерины II графа Петра Васильевича, министра народнаго просвѣщенія при Александрѣ I и хозяина знаменитыхъ Ляличей. Елена Михайловна должна была быть счастлива съ нимъ. Графъ былъ очень богатъ и красивъ, подѣлялъ своей женѣ. „Это была“ — рассказываетъ современ-

никъ („Русс. Арх.“ 1865, ст. 409) — „чета такихъ красавцевъ, какую трудно вообразить себѣ тому, кто не видалъ ихъ... Прекрасная и щегольская ея наружность была не пустою вывѣскою: подъ ней скрывались доброта сердечная, самый пріятный умъ и благородная душа, — нельзя было не любить этого любезнаго человѣка“. О благородствѣ Василя Петровича свидѣтельствуетъ роль, которую сыгралъ онъ въ жизни молодого Пушкина. Въ 1818 г. поэтъ написалъ извѣстную „Молитву лейбъ-гусарскихъ офицеровъ“, въ которой многихъ задѣлъ, посмѣялся между прочимъ и надъ „Завадовскаго щедростью“. Пушкину грозили очень серьезныя несправедливости, но Завадовскій объявилъ себя авторомъ стиховъ и принесть извиненіе товарищамъ, выгородивъ такимъ образомъ поэта изъ довольно тяжелой исторіи („Русс. Стар.“ 1909, апр., 192—197).

„Человѣкъ прекрасно образованный и съ превосходными душевными качествами“ (В. В. Голубцовъ, „Къ біографіи графа П. В. Завадовскаго“ — „Русс. Арх.“ 1887, I, 127).

Богатство мужа, красота и семейныя связи быстро доставили молодой женщинѣ выдающееся положеніе въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, и она стала одной изъ аккредитованныхъ, общепризнанныхъ столичныхъ красавицъ, блистала на балахъ (мимолетныя упоминанія о ея свѣтскихъ успѣхахъ встрѣчаются въ перепискѣ Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ). Въ 1836 г., когда въ Петербургъ пріѣхала извѣстная московская красавица А. А. Кирѣева, рожд. Алябьева, Вяземскій писалъ Тургеневу, что ее сравнивали только съ такими безспорными величинами, какъ Завадовская и Н. Н. Пушкина. Нѣкто, видѣвшій ее въ началѣ тридцатыхъ годовъ, рассказываетъ, что она „слыла за первую красавицу при Дворѣ и дѣйствительно представляла собою роскошную фигуру Юноны. Графъ Завадовскій казался мнѣ очень симпатичнымъ человѣкомъ, хотя и записался въ дэнди немножко поздно. Онъ пригласилъ меня навѣщать его по утрамъ. Графъ Вьельгорскій сказалъ мнѣ: „слушай, не ходи туда! артистическая душа не можетъ спокойно созерцать такую прекрасную женщину, я испытываю это на себѣ“ („Приключенія лифляндца въ Петербургѣ“ — „Русс. Арх.“ 1878, I, 451). Козловъ обращается къ ней:

...Часто, о тебѣ мечтаю,
Тебя я вижу на пирахъ,
Гдѣ ты, о фея молодая,
У всѣхъ и въ думахъ, и въ сердцахъ!
Я вижу взоръ очей огнистыхъ
И волны локоновъ душистыхъ
На бѣлораморныхъ плечахъ,
Иль вдругъ стремлюсь я за тобою
Къ зеленымъ Невскимъ островамъ,
Брожу въ раздумьѣ по садамъ,
Смотрю, какъ ты порой ночью
По зыбкой, дремлющей рѣкѣ,

Графиня Елена Михайловна Завадовская,
рожд. Влодекъ.

(Съ гравюры изъ альманаха „Утренняя Заря“ 1842 г.).

Осеребренной уж луною,
Летишь въ уютномъ челнокѣ,
И твой челнокъ волна лелѣетъ,
И вѣтерокъ привѣтно вѣетъ,
И свѣтитъ радостнѣй луна—
Тобой любитесь она...

Завадовская часто навѣщала несчастнаго слѣпота и больнаго поэта. „Я не могу выразить, какъ она чаруетъ мое сердце“,— писалъ онъ въ своемъ дневникѣ:— „красота, очаровательный голосъ, она полна какой-то притягательной силы, прелестной граціи... Я люблю эту милую графиню Завадовскую, какъ любить прекрасную и нѣжную розу, которой благоуханіе проникаетъ въ душу“ (К. Я. Гротъ, „Дневникъ И. И. Козлова“, СПб., 1906, стр. 18, 19). А. И. Тургеневъ писалъ ему изъ Парижа въ 1835 г.: „если красавица графиня Завадовская по-прежнему навѣщаетъ тебя, то скажи, что первый вопросъ мой (маршалу Мезону, недавно вернувшемуся изъ Петербурга) былъ о ней... Не забудь пожать нѣжно пухлую ручку невиской красавицы“ („Русс. Арх.“ 1886 г., I, 135).

Въ 1828 г. у Завадовскихъ родился сынъ. Козловъ воспѣлъ материнство Елены Михайловны.

...Любимое мечтанье,
Моей души очарованье,—
Тебя въ тотъ часъ воображать,
Какъ все забывъ, младая мать,
Съ твоимъ младенцемъ ты играешь,
Его ты къ сердцу прижимаешь,
А онъ, невинностью цвѣтя,
Смѣется, милое дитя,
И у тебя взоръ нѣжный блещетъ
Сквозь слезы радостно живой,
И грудь лилейная трепещетъ
Любовью тихой и святой.

Но графъ Петръ Завадовскій, который долженъ былъ унаслѣдовать отцовское состояніе и явиться продолжателемъ рода, умеръ четырнадцати лѣтъ, въ Неаполѣ; тѣло его было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ впоследствии рядомъ съ нимъ легли отецъ и мать.

Оба супруга до безумія любили роскошь и въ тратахъ удержу не знали. Въ 1838—1839 гг., передаетъ современникъ, они „отдѣляли великолѣпнѣйшимъ образомъ двухъэтажный домъ графини, находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ построены теперь Пасажъ графа Штейнбока. Отдѣлка его стоила, какъ

говорили, до двухъ милліоновъ ассигнаціями. Мебель и разныя убранства выписаны были изъ Англіи. Домъ этотъ ѣздили смотрѣть какъ диво и незнакомые хозяевамъ люди, разумѣется съ ихъ согласія, получавшагося черезъ общихъ знакомыхъ“ („Русс. Арх.“ 1865 г., ст. 410). Сынъ Козлова и Жуковскій тоже осматривали палаццо Завадовскихъ. „Это—перлъ художественнаго изящества и тонкаго вкуса во всѣхъ мелочахъ, начиная съ лѣстницы. Залы Людовика XIV и XV отличаются роскошью и законченностью; кабинетъ ея восхитителенъ. Жуковскій сказалъ: „такъ хорошо и мило, и изящно-красиво, что не знаешь, какъ и быть,—развѣ взять ноги въ руки“ (Дневникъ Козлова, стр. 31).

Смерть единственнаго дитяти какъ будто заставила супруговъ отказаться отъ всякихъ надеждъ и плановъ на будущее и страстиѣ отдаться головному вихрю свѣтской жизни, и состояніе Завадовскихъ стало замѣтно таять. Даже такой далеко не скупой человѣкъ, какъ князь А. И. Барятинскій, называлъ графа Василія Петровича „старымъ расточителемъ“. Онъ оставался великолѣпнымъ *bel homme*, ея красота не увядала. „Блескъ, которымъ одарила ихъ природа, они старались поддерживать и усиливать вспомогательнымъ и дорого стоющимъ блескомъ. Дѣла и средства графа Завадовскаго разстроились до такой степени, что онъ вынужденъ былъ рѣшиться на продажу своего родового имѣнія“ (Записки В. А. Инсарскаго—„Русс. Стар.“ 1894, июнь, 35, 42). Въ 1855 г. графъ Василій Петровичъ умеръ. Годъ спустя не стало и его старшаго брата, графа Александра Петровича (это тотъ Завадовскій, которому Пушкинъ отводилъ такую интересную роль въ программѣ задуманнаго романа „Русскій Пеламъ“, и который убитъ на дуэли кавалергарда В. В. Шереметева изъ-за танцовщицы Истоминой). Съ нимъ угасъ графскій родъ Завадовскихъ.

Елена Михайловна все еще оставалась прекрасна. „Сѣверный цвѣтокъ“ еще долго сопротивлялся времени. Графъ М. Д. Бутурлинъ видѣлъ въ 1860 г. ее, „бывшую изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ лѣтъ тридцать передъ тѣмъ и все-таки мало измѣнившуюся въ этомъ 1860 году“. Ей было тогда пятьдесятъ три года. Умерла она 22 марта 1874 г.

Н. Лернеръ.

А. Шнейдеръ. Декоративное панно. (Музыкальная комната въ Троицкомъ, им. М. М. Скарятинной, Малоархангельскаго у. Орловской губ.)

ТАЙНЫ АНТИКВАРОВЪ.

Въ первые мѣсяцы войны на антикварномъ рынкѣ возникла паника. Люди, жившіе и торговавшіе прошлымъ, были ошеломлены настоящимъ, и художественная старина серьезно подвергалась риску на нѣкоторое время совершенно обезцѣниться. Но затѣмъ коллекціонеры пришли въ себя, а вмѣстѣ съ ними ожили и антиквары, и въ пустовавшихъ лавкахъ снова появились покупатели. Понятно, ихъ было не столько, сколько прежде,—война все-таки не могла не отразиться на этой отрасли промышленности,—но во всякомъ случаѣ на антикварномъ рынкѣ сдѣлки возобновились.

Въ настоящее же время, къ изумленію самихъ антикваровъ, интересъ къ художественной старинѣ еще болѣе повысился. Появился большой спросъ на фарфоръ, мебель и бронзу, а въ связи съ этимъ всякіе раритеты сильно поднялись въ цѣнѣ, точно предметы первой необходимости.

Сильно разбогатѣвшій спекулянтъ, дѣлецъ, поставщикъ или посредникъ, еще недавно ютившійся гдѣ-нибудь въ Лѣсномъ или на Выборгской сторонѣ, спѣшить, какъ можно скорѣе, получше украсить свою новую квартиру на Сергіевской, куда только на дняхъ привезли изъ магазина мебель. Она еще пахнетъ свѣжимъ лакомъ, этажерки и шкафики пустыютъ, а стѣны совершенно голыя. Разбогатѣвшій выскочка, естественно, опасается, что каждому бросится въ глаза отсутствіе мелочей, утверждающихъ давность всей обстановки. А кромѣ того, онъ что-то такое слышалъ объ искусствѣ, о художественныхъ вещахъ и знаетъ, что „теперь это принято въ хорошихъ домахъ“.

— Намъ надо *тоже* начать собирать старинныя вещи,—говоритъ онъ въ минуту сладостнаго подъема отъ своего внезапнаго благополучія.

Онъ ровно ничего въ этомъ не понимаетъ, но, къ счастью, имѣются антикварныя лавки, гдѣ подобраны всякія „бездѣлушки“, давно его поджидающія.

На этой почвѣ и создался новѣйшій изъ анекдотовъ, какъ одинъ изъ такихъ *parvenus*, показывая своему гостю только что приобрѣтенные раритеты, гордо заявляетъ:

— Это настоящій имитасіонъ!

Къ счастью для этихъ скороспѣлыхъ коллекціонеровъ,—имъ и въ этомъ везетъ!—теперь закрыты границы. Вотъ бы когда наступилъ золотой расцвѣтъ „настоящаго имитасіона“, имѣющаго свою индустрію—своихъ фабрикантовъ, коммивояжеровъ и цѣлую сѣть агентовъ. Впрочемъ, этотъ расцвѣтъ, вѣроятно, наступитъ послѣ войны.

* * *

Самая крупная изъ такихъ фабрикъ „имитасіона“ находится въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Искусство ея мастеровъ настолько велико, что даже знатоки испытываютъ благоговѣйный трепетъ передъ такими поддѣлками. Такъ, рассказываютъ про одного извѣстнаго французскаго художника, что онъ однажды до того восхитился художественностью работы поддѣланныхъ подъ его манеру рисунковъ, что рѣшилъ поощрить талантъ поддѣлывателя и скрѣпилъ рисунки своей подписью.

Главными покупателями этихъ поддѣлокъ съ давнихъ поръ являются англичане и американцы. Въ большинствѣ случаевъ, особенно, когда поддѣланная вещь увозится въ Америку, тайна ея остается нераскрытой. Боязнъ попасться и оскандалиться очень мало тревожитъ американца: его посѣтителы и знакомые разбираются въ художественной старинѣ еще меньше, чѣмъ онъ, и подлинность вещи врядъ ли къ-нибудь будетъ оспариваться. Поэтому американецъ самый желанный у антикваровъ покупатель:

что разъ къ нему попадетъ, то ужъ больше никогда къ продавцу не вернется. А вотъ съ европейскимъ покупателемъ иногда случаются конфликты, и продавцу иной разъ приходится съ горькой миной получать проданныя вещи обратно и не доводить дѣла до суда, чтобы не разгласить тайны корпораціи антикваровъ, имѣющихъ свои понятія о чести.

Незадолго до войны на озеро Комо прѣхалъ одинъ богатый англичанинъ. Въ Белладжіо, которое уже давно славится какъ складочное мѣсто всевозможныхъ антиковъ, онъ нашелъ Распятіе, надгробный памятникъ, кресло епископа, алтарь и чашу для святой воды IV столѣтія. Послѣ долгаго торга англичанинъ покупаетъ эти вещи за 75 тысячъ лиръ и везетъ ихъ въ Парижъ. Тамъ знатоки тотчасъ же заявляютъ ему, что онъ влопался: вещи поддѣланы. Тогда англичанинъ требуетъ, чтобы ему вернули деньги. Антикваръ, скрѣпя сердце, соглашается. Но англичанинъ этимъ не удовлетворенъ и требуетъ еще возмѣщенія всѣхъ расходовъ по перевозкѣ и покупкѣ вещей.

Дѣло доходитъ до суда. Судъ присуждаетъ всѣ эти издержки, но во время судебного разбирательства обнаруживается, что древности дѣйствительно принадлежали одной старинной церковкѣ, хотя и не IV столѣтія, а нѣсколько болѣе поздняго происхожденія, и были отсюда выкрадены. Давность, правда, миновала, и поэтому антиквару не только ничто не угрожаетъ, но онъ еще получаетъ свои вещи обратно. На вопросъ суда, какъ могъ онъ рѣшиться купить краденое, антикваръ заявляетъ, что покупалъ эти вещи въ твердомъ убѣжденіи, что онѣ не настоящія, и благодаритъ судъ, установившій ихъ подлинность. Послѣ этого онъ продаетъ Распятіе, алтарь, кресло епископа и чашу по другой оцѣнкѣ, значительно превосходящей первоначальную.

Слѣдуетъ замѣтить, что сами антиквары обычно покупаютъ художественную старину по очень дешевой цѣнѣ, и когда наталкиваются на рѣдкость, оцѣненную владѣльцемъ высоко, то всячески стараются обезцѣнить ее указаніемъ, что она не настоящая.

Характерный въ этомъ родѣ случай произошелъ недавно въ Россіи. Нѣкій антикваръ узнаетъ, что у одной дамы имѣется замѣчательной работы столикъ эпохи Людовика XVI, осматриваетъ его и убѣждаетъ владѣлицу продать ему этотъ столикъ за 3000 рублей. Дама соглашается, но, случайно узнавъ, что въ Петроградѣ живетъ страстный коллекціонеръ графъ N, который можетъ заплатить ей гораздо болѣе, отказывается отъ сдѣлки и рѣшаетъ съѣздить въ столицу. Тогда антикваръ подсылаетъ къ ней человѣка, который называетъ себя графомъ, будто бы прослышавшимъ объ имѣющихся у нея старинныхъ вещахъ. „Графъ“ съ интересомъ осматриваетъ ея картины и мебель, но на столикъ не обращаетъ никакого вниманія, и на вопросъ владѣлицы, каково его мнѣніе объ этой вещицѣ, равнодушно заявляетъ, что поддѣлокъ, хотя бы и искусныхъ, не признаетъ, и что цѣна столику рублей 200—300. Мнѣніе знатока заставляетъ даму поторопиться съ продажей столика антиквару, который затѣмъ получаетъ за него огромную сумму.

Кромѣ фабрикъ старинной мебели и церковной утвари, имѣется еще „монетный дворъ“ для выдѣлки старинныхъ монетъ, греческихъ и римскихъ. Онъ находится въ Неаполѣ. Тамъ же выдѣлываются старинныя украшения—перстни, камеи и брошки, а также статуэтки.

Поддѣлыватели картинъ, особенно старинныхъ, имѣются во многихъ большихъ городахъ Европы,

въ томъ числѣ и въ Петроградѣ. Здѣсь успѣшно дѣйствуетъ художникъ В—чъ, забросившій свое несомнѣнное дарованіе оригинальнаго художника ради матеріальныхъ выгодъ поддѣлывателя.

За послѣднее время въ Германіи возникло нѣсколько новыхъ подобнаго же рода предприятий, имѣющихъ своей задачей поддѣлывать старинныя гравюры. Установить такую поддѣлку очень трудно, для этого требуется большой опытъ и знакомство съ водяными знаками, имѣющимися на каждой старинной бумагѣ.

Ржавый цвѣтъ поблекшихъ чернилъ, подписи, даты и монограммы поддѣлываются безъ особаго труда, и поэтому онѣ легко могутъ ввести въ заблужденіе даже знатока. Но вотъ старинную бумагу поддѣлать представляетъ уже большія затрудненія. Прокопченная дымомъ и пропитанная кофейнымъ отваромъ, она дѣйствительно по оттѣнку своему можетъ сойти за старинную, но зато камнемъ преткно-

венія явятся водяные знаки. По этому предмету возникла чуть ли не цѣлая новая наука, имѣющая свой словарь знаковъ. Онъ составился изъ данныхъ, собранныхъ группой любителей, обмѣнивавшихся другъ съ другомъ свѣдѣніями о своихъ находкахъ и наблюденіяхъ.

Три года назадъ во Франціи вызвало большой шумъ извѣстіе, что нѣкій антикваръ нашелъ подлинное завѣщаніе Людовика XVI, собственноручно написанное имъ во время пребыванія его въ заключеніи. Тщательное изслѣдованіе бумаги, на которой было написано завѣщаніе, обнаружило водяной знакъ, относящійся къ эпохѣ Людовика не XVI, а XVIII, и такимъ образомъ поддѣлка была изобличена.

Среди русскихъ гравюръ поддѣлки до сихъ поръ, кажется, не встрѣчались. Это объясняется тѣмъ, что фальсификаторы ими совершенно не интересуются, имѣя въ виду лишь международный художественный рынокъ.

В. Ирецкій.

Заставка
А. П.
Шнейдеръ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРІИ.

Исторія русской музыки вплоть до XIX вѣка представляла печальную картину длительного застоя или (начиная съ XVIII ст.) безсильнаго подчиненія низменнымъ вліяніямъ вырождавшейся итальянской музыки и ремесленнаго умѣнія малообразованныхъ музыкантовъ другихъ западныхъ странъ, попадавшихъ въ Россію. Высшіе образцы западноевропейской музыки различныхъ періодовъ ея развитія оставались у насъ неизвѣстными или извѣстными по названію, а талантливые молодые люди, которыхъ посылали за границу для обученія музыкѣ, будучи лишены общаго образованія и знанія иностранныхъ языковъ, пріобрѣтали сравнительно не большія познанія и, за исключеніемъ развѣ Бортнянскаго, не оказали замѣтнаго вліянія на развитіе музыки въ Россіи. Русскій народъ таилъ въ себѣ богатые музыкальные задатки, но они проявлялись только въ видѣ непосредственныхъ изліяній въ пѣняхъ, сопровождавшихъ русскаго человека отъ колыбели до могилы. Формы пѣсенъ, былинъ, духовныхъ стиховъ и т. д. вырабатывались непосредственнымъ художественнымъ чувствомъ, и самыя пѣсни не записывались, сохраняясь лишь въ устной передачѣ отъ одного поколѣнія къ другому.

Въ XVIII вѣкѣ высшіе и вообще образованные классы русскаго общества болѣе или менѣе близко соприкасались съ европейской жизнью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ европейской музыкой. Усвоивъ болѣею частью лишь верхушки ученія, такъ называемыя „послѣднія слова науки“, русскіе образованные люди поверхностно ознакомились и съ европейской музыкой, а болѣе талантливые между ними начали сами сочинять. Владѣя болѣе или менѣе широкимъ умственнымъ развитіемъ и пользуясь независимымъ общественнымъ положеніемъ, эти дилеттанты опередили мало развитыхъ русскихъ музыкантовъ и заняли господствующее положеніе въ русской музыкѣ.

Первая половина XIX столѣтія принесла русскому музыкальному искусству небольшую, но драгоцѣнную плеяду дѣятелей съ М. И. Глинкой во главѣ. Эти незабвенные дѣятели пробудили въ русскомъ обществѣ вниманіе къ серьезному искусству вообще и къ его національнымъ чертамъ въ частности. Какъ естественное слѣдствіе этого, явилось то, что съ одной стороны

даровитые художники стали продолжать и дополнять все созданное начинателями культурной музыки въ Россіи, а съ другой стороны въ самомъ обществѣ народилась потребность въ учрежденіяхъ и кружкахъ, которые бы знакомили его съ величайшими художественными твореніями, и въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя давали бы контингентъ своихъ подготовленныхъ музыкантовъ и педагоговъ. Нужно было начать проводить въ русскую жизнь взгляды на искусство, основанные на точно установившихся эстетическихъ законахъ, которые позволяли бы сознательно относиться ко всякому новому явленію въ этой области.

И вотъ вторая половина истекшаго вѣка послужила временемъ начала широкаго развитія учреждений и обществъ, посвятившихъ свою дѣятельность отечественной музыкѣ. Несомнѣнно самымъ крупнымъ явленіемъ здѣсь надо считать возникновеніе и ростъ Императорскаго музыкальнаго общества, раскинушаго свою дѣятельность по всей Руси.

Если добрымъ гениемъ Петроградской консерваторіи былъ Антошъ Рубинштейнъ, то Московской былъ — Николай Рубинштейнъ. Онъ положилъ начало Московской консерваторіи устройствомъ музыкальныхъ классовъ. Цѣль теоретическаго преподаванія музыки была слишкомъ мало понятна тогдашнему обществу, и первые успѣхи классовъ были далеко незавидны. Скоро, однако, и классы, постепенно расширяемые учредителями, завоевали себѣ болѣе или менѣе прочныя симпатіи. Постепенно открывались новыя отдѣленія: пѣнія, скрипки, виолончели, фортепiano. Въ концѣ 1865 г. преподавателемъ гармоніи явился П. И. Чайковскій.

Въ 1865 году классы уже были настолько широки и завоевали себѣ такое сочувствіе, что открытіе консерваторіи было вопросомъ подготовленнымъ и назрѣвшимъ. Въ художественномъ отношеніи оно было подготовлено тѣмъ, что среди педагогическаго персонала классовъ были налицо силы весьма крупныя, а въ матеріальномъ отношеніи тѣмъ, что къ этому времени число учащихся было уже значительно. Кромѣ того, на открытіе консерваторіи поступали пожертвованія.

По ходатайству Августѣйшей Покровительницы общества, Великой Княгини Елены Павловны, 24 декабря 1865 года послѣдо-

вало Высочайшее соизволение Императора Александра II на открытие консерватории.

Съ этой цѣлью было нанято помѣщеніе на Воздвиженкѣ въ домѣ баронессы Черкасовой, и 1-го сентября 1866 года состоялось торжественное открытіе консерваторіи. Директоромъ былъ утвержденъ Н. Г. Рубинштейнъ.

Постоянно открывались новые классы, и изъ самой практики дѣла руководители черпали матеріалъ для выработки стройности въ программахъ и преподаваніи.

Въ 1870 году состоялся первый выпускъ учащихся (Андропова, Зографъ и Муромцева), и въ этомъ же году было положено начало ученическимъ опернымъ и драматическимъ спектаклямъ. Одинъ изъ этихъ спектаклей въ 1872 году способствовалъ полученію ежегодной субсидіи въ 20.000 рублей и упроченію, благодаря этому, существованія консерваторіи.

Приблизительно въ это время дирекція консерваторіи наняла домъ князя Воронцова на Большой Никитской, который уже въ 1877 году былъ приобретенъ въ собственность.

Первые уполномоченные дирекціи Моск. отд. И. Р. Музыкальн. Общества—П. С. Киселевъ, В. М. Лосевъ, кн. Ю. А. Оболенскій, В. И. Якуничковъ и Н. Г. Рубинштейнъ.

Слѣдующій періодъ восьмидесятихъ годовъ, благодаря кончинѣ Н. Рубинштейна, являлся для консерваторіи періодомъ смутнаго времени. Директорство переходило изъ рукъ въ руки. Только четырехлѣтнее директорство С. И. Таѣева было первымъ, послѣ нѣкотораго перерыва, шагомъ къ восстановленію порядка и направленія времени Рубинштейна. При немъ была нѣсколько улучшена матеріальная часть и была устроена оркестровый классъ.

Послѣдній періодъ жизни московской консерваторіи, благодаря новому директору В. И. Сафонову, принесъ дѣлу первоначальную стройность. В. И. Сафонову пришлось многое созидать и воскрешать.

Въ 1891 году, въ день памяти Н. Г. Рубинштейна, было скромно отпраздновано двадцатипятилѣтіе консерваторіи, и приблизительно въ это время Г. Г. Солодовниковъ пожертвовалъ на ея нужды 200.000 р.

По мѣрѣ роста консерваторіи все острѣе чувствовался недостатокъ въ собственномъ помѣщеніи. Возникъ вопросъ о сооруженіи новаго зданія консерваторіи. По ходатайству Вел. Князя Сергія Александровича почившій Императоръ Александръ III положилъ начало этому дѣлу, отпустивъ 400.000 р.

Въ 1900 году было открыто новое зданіе консерваторіи. Оно явилось украшеніемъ Москвы и свидѣтельствомъ быстрого роста музыкальнаго искусства въ Россіи.

М. Р.

Московская Консерваторія и ея дѣятели. (Вильшанъ, Кашкинъ, Вальденъ, Клиндовскій, Губертъ, Н. Г. Рубинштейнъ, Чайковскій, Дюбюкъ, Э. Лангъ, Александрова - Кочетова, Зейлеръ, Шнекинъ, Фитценхагенъ, Бартольдъ, Кашиперовъ, Радзидзе, Гутъ, Альбрехтъ, Разумовскій, А. Лянгеръ, Зейтцъ, Лаубъ, Гржимали, Гальвани, Бюхнеръ, Рихтеръ).

Московская Консерваторія. Первоначальный видъ.

Часть кабинета Н. Г. Рубинштейна (хранится въ Музѣ Моск. Консерваторіи). На доскѣ автографъ Бердіоза.

Въ складѣ. Приѣмъ пожертвованій.—Вел. Княг. Марія Павловна.
М. К. Рейтернъ, С. Ф. Ванлярская, С. П. Дурново, Е. Э. Исакова.

УЧРЕЖДЕНІЯ ИМЕНИ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ МАРИИ ПАВЛОВНЫ.

Соб. фот. „Ст. и Ус.“; Снималъ Я. Штейнбергъ.

Складъ Имени Е. И. В. Великой Княгини Маріи Павловны.
У подъѣзда подводы, груженныя теплыми и др. вещами для арміи.

„Ст. и Ус.“—№ 73.

Работа въ складѣ.
Шитье бѣлья.
Е. И. В. Велик. Княг.
Марія Павловна.
Среди присутствующихъ—М. Львова, С. А.
Гравъ, С. Ф. Ванярская,
М. В. Ратынская, г-жа Ер-
молова, г-жа Веретени-
кова.

Работа въ складѣ.
Герцогиня Лейхтенберг-
ская, г.-л. бар. В. Р. Кнор-
рингъ, М. К. Рейтернъ,
О. А. Рейтернъ, Т. Н. Ува-
рова, С. В. Прутенко,
Н. Н. Мартыновъ.

Посѣщеніе Е. И. В. Великою Княгинею Марією Павловною лазарета Русско-Азіатскаго банка.
Среди присутствующихъ—М. М. Давыдова, кн. Н. А. Бебутова, Н. В. Сафонова, В. Ф. Давыдовъ, д-ръ Л. В. Смирновъ,
д-ръ М. И. Верболовскій.

Открытие въ присутствіи Великой Княгини Маріи Павловны отдѣленія складовъ
Имени Е. И. В. на Каменноостровскомъ проспектъ.

Е. И. В. Великая Княгиня Марія Павловна среди персонала № 1 Своего Имени тылового военно-
санитарнаго поѣзда.
Среди присутствующихъ—Е. П. Разумовская, Н. М. Черняева, Т. М. Черняева, Е. Е., Обязова, полк. К. А. Мессаксуди, камергеръ
А. Д. Крупенскій, Л. С. Гулевичъ, Г. В. ф.-Гельмерсенъ.

PENSÉES FUGITIVES.

Почему-то принято думать, что съ годами человекъ умнѣетъ.
Не наоборотъ ли?
Говорятъ: ему двадцать лѣтъ, но онъ еще такъ глупъ...
Не лучше ли: ему двадцать лѣтъ, но онъ уже такъ глупъ?...

Самому маленькому человекъ хочется быть оригинальнымъ, не такимъ, какъ всѣ. Способы достигнуть оригинальности безконечны. Я знавалъ въ Рязани сѣраго, унылаго, смиреннаго чиновника, который ни съ того, ни съ другого взялъ да выучился по-голландски.

— Что это вамъ вздумалось учиться голландскому языку?— спрашивали его иногда.

Онъ улыбаясь торжествуя и наивно:

— Да вѣдь кто же въ Рязани знаетъ по-голландски?...

Много на Руси картежниковъ, но, право, „идейныхъ“ людей гораздо больше. И понятно: карты требуютъ и денегъ, и времени, и даже известной душевной энергіи, а идеи ни копѣйки не стоятъ и рѣшительно ничего не требуютъ.

Если книгу не хочется прочитать во второй разъ, ее не стоило читать и въ первый.

Ар.

Рис. С. Лозматкина.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ И ЦЫГАНЫ.

Въ Москвѣ, если вамъ хочется звуковъ, вамъ хочется выражения для этой неопредѣленной, непонятной, тоскливой хандры— и благо вамъ, если у васъ есть двѣ, три, четыре сотни рублей, которыми вы можете кинуть задаромъ,—о! тогда, увѣрю васъ честно порядочнаго зѣваки—вы кинетесь къ цыганамъ, броситесь въ ураганъ этихъ дикихъ, странныхъ, томительно-странныхъ пѣсень, и пусть тяготѣло на васъ самое полное разочарованіе, я готовъ прозакладывать мою голову, если васъ не будетъ подергивать (свойство русской природы), когда Маша станетъ томить вашу душу странною пѣсней, или когда бѣшеный, неистовый хоръ подхватитъ послѣдніе звуки чистаго, звонкаго, серебрянаго Стешина: „Ахъ! ты слышишь ли, разумеешь ли?...“ Не эванъ, не эвоэ,—но другое, скажете вы, распустивши русскую душу во всю распахну...

Такъ писалъ въ 1847 году въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ („Москва и Петербургъ. Замѣтки зѣваки. I. Вечера и ночи кочующаго: варяга въ Москвѣ и Петербургѣ“) Аполлонъ Григорьевъ, проводя контрастную параллель между фантастическимрачнымъ, угрюмымъ Петербургомъ 1840-хъ годовъ и Москвою.

Колоритная Москва, какъ всегда и во всемъ оригинально-стихійная, была колыбелью цыганства. Хоровое цыганское пѣніе стало у насъ входить въ моду, по преданію, во времена Екатерины Второй. Это были цыганы, вывезенные графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ изъ Молдавіи и поселенные въ подмосковномъ селѣ Пушкинѣ. Изъ Москвы цыганское пѣніе разлилось по всей Россіи, и съ 20-хъ гг. по 60-е гг. прошедшаго столѣтія безумствовала эта пѣсня, покоря сердца.

Цыганы были какъ бы составною частью тогдашней русской культуры, являясь виртуозными исполнителями русскихъ народныхъ пѣсень въ своеобразномъ преломленіи цыганщины. Въ Москвѣ цыганы въ старія времена составляли необходимую принадлежность всякаго народнаго гулянья: въ Сокольниковѣхъ, въ Марьиной Рощѣ, подъ Новинскимъ,—они пѣли и плясали публично на эстрадахъ, какъ для благодарныхъ особъ, такъ и для „подлыхъ людей“. Цыганскимъ пѣніемъ увлекались не одни только подлившіе гуляки знаменитая пѣвица Каталани восхищалась пѣніемъ цыганки Стеши, прозванной Свиньинымъ, въ честь ея, русскою Каталани; Листъ и другія музыкальныя свѣтила посѣщали московскіе таборы и восхищались цыганскимъ пѣніемъ.

Вотъ, какъ одинъ изъ современниковъ описываетъ мѣста цыганскихъ становищъ въ Москвѣ и пѣніе цыганъ:

Если вы, катаясь по Москвѣ, заѣдете въ Грузины и Садовую, то въ маленькихъ, неопрятныхъ домахъ увидите расположенные таборы цыганъ. Они среди шумнаго, образованнаго города ведутъ ту же дикую буйную жизнь степей; обманы лошадами, гаданья, музыка и пѣсни, вотъ ихъ занятія. Любопытно видѣть,

когда ночью молодежь, преимущественно изъ купцовъ, подѣхавши къ маленькому домику, начинаетъ стучать въ калитку. Въ то же мгновеніе огоньки метеорами начинаютъ блестѣть въ окнахъ, и смуглая, курчавая голова цыгана выглядываетъ изъ калитки. Не слова кучеровъ: встрѣчайте, господа прѣхалы! цыганъ съ хитрою, довольною улыбкою отворяетъ ворота и, величая всѣхъ поименно, произноситъ иногда имена наудачу, желая тѣмъ показать свое вниманіе къ посѣтителямъ. Вы вошли въ комнаты и уже слышите аккорды гитары, видите, съ какою живою цыганки набрасываютъ на себя капоты, блузы и пестрые платки; тамъ подъ печкою цыганъ ищетъ свои сапоги; въ одномъ углу разбуженный цыганенокъ, вскочивъ, спѣшитъ поднять своихъ собратовъ, а въ другомъ старая цыганка, прикрывъ люльку, собирать изломанные стулья для хора, и въ пять минутъ весь таборъ поетъ, стройный, веселый, живой, какъ будто никогда не предавался обычному отдохновенію тихой ночи. Разгульные пѣсни цыганъ можно назвать смѣшеніемъ стихій: это дождь, вѣтеръ, пыль, и огонь—все вмѣстѣ. Прибавьте къ тому: сверкающіе глаза смуглыхъ цыганокъ, ихъ полу-прикрытыя, часто роскошныя формы, энергическое движеніе всѣхъ членовъ удалаго цыгана, который поетъ, пляшетъ, управляетъ хоромъ, улыбается посѣтителямъ, прихлебываетъ вино, бренчить на гитарѣ и, бѣснуясь, кричить во все горло: сага баба, ай люди! Ничто не располагаетъ такъ къ оргіи, какъ ихъ буйные напѣвы; если горе лежитъ у васъ камнемъ на сердцѣ, но это сердце еще не совсѣмъ охладѣло къ впечатлѣніямъ жизни, то свободная пѣсня цыганъ расчѣтъ хоть на минуту тоску вашу* (П. Вистенгофъ. Очерки Московской жизни. М. 1842).

Это былъ русский романтизмъ. И натуры, такія ли какъ Елецкій („Цыганка“ Боратынскаго), или такіе, какъ „очарованный странникъ“ (Лѣскова), одинаково охватывали „темный морокъ“ цыганскихъ пѣсень*, зтоѣ бредъ, услада и растрата необузданныхъ, кипучихъ силъ, созданныхъ хищными напѣвами вольныхъ пространствъ Россіи на человѣческую душу и борьбою съ ними.

Въ наши дни г. де Лазари поетъ подъ гитару „Цыганскую венгерку“:

Дѣв гитары, зазвѣвъ,
Жалобно заныли...
Съ дѣтства памятный напѣвъ,
Старый другъ мой, ты ли?

Какъ тебя мнѣ не узнать?
На тебѣ лежитъ печать
Буйнаго похмелья,
Горькаго веселья.

Это ты, загуль лихой,
Ты—слѣпые грусти злой

Съ сладострастьемъ баядерки—
Ты, мотивъ венгерки!

и т. д. Многимъ ли извѣстно, что эта пѣсня-романсъ-стихотвореніе, называйте какъ угодно, не сочинена цыганами, а принадлежитъ Аполлону Григорьеву? Пыляевъ, въ „Старомъ Петербургѣ“, утверждаетъ, что „Цыганскую венгерку“ Григорьевъ написалъ за бесѣдою у извѣстнаго цыганскаго пѣвца Ивана Васильева, положившаго стихотвореніе на музыку, причемъ увѣряетъ, что оно напечатано не было. Между тѣмъ оно еще въ 1857 году появилось въ „Сынѣ Отечества“, въ циклѣ XVIII стихотвореній Григорьева подъ заголовкомъ „Борьба“. Многія изъ нашихъ бабушекъ и матерей знаютъ также романсъ „Нѣтъ, за тебя молиться я не могъ“ и очень удивляются, услышавъ, что онъ сочиненъ Григорьевымъ.

Твои движенья гибкія,
Твои кошачьи лапки,
То гнѣвомъ, то улыбкою
Сверкающе глазики...

Слова тоже Григорьевскія.

Но если двухъ послѣднихъ стихотвореній мало, чтобы помянуть добрымъ словомъ Григорьева, то „Цыганской венгерки“ одной вполне для этого достаточно. „Цыганская венгерка“, независимо отъ всякой цыганщины, одна изъ перловъ русской лирики, единственная въ своемъ родѣ вещь. Григорьевъ самъ пѣвалъ ее подъ аккомпаниментъ гитары. „Венгерка“ была его любимой пѣсней.

Исторію происхожденія „Цыганской венгерки“ мы и хотимъ разсказать здѣсь.

Аполлонъ Александровичъ Григорьевъ (род. 1822, ум. 1864), едва ли не лучший литературный нашъ критикъ и весьма даровитый поэтъ, основательно, какъ все неподходящее подъ общую мѣрку, забытый потомствомъ, да и у современниковъ носившій кличку „чудака“, тѣсными узами связанъ съ цыганствомъ. Но не только какъ кровный москвичъ и поклонникъ цыганскаго пѣнія; не только личнымъ знакомствомъ съ Иваномъ Васильевымъ, водившимъ дружбу и съ другими литераторами; не только какъ поэтъ и авторъ вышезванныхъ стихотвореній и статьи „Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны“ (переиздана въ выпускѣ 14-мъ „Собранія Сочиненій Аполлона Григорьева“, подъ редакціей В. Ѳ. Саводника, М., 1915). Корень этой связи глубже грагичѣе. Корень ея—любовь, весьма странно, весьма причудливо и капризно преломившаяся сквозь призму романтическаго увлеченія цыганствомъ.

Исторія этой любви до самыхъ послѣднихъ дней оставалась тайной. Одни изъ друзей покойнаго критика не знали о ней, повидимому, ничего, другіе—преднамеренно, какъ Страховъ, молчали, связанные невозможностью сказать что либо о виновницѣ этого дѣла, тогда еще существовавшей на свѣтѣ.

Однако, прежде чѣмъ разсказывать эту исторію, необходимо остановиться на очеркѣ Фета, его разсказѣ „Кактусъ“, въ которомъ выведены Григорьевъ и молодая цыганка, увлекшая степеннаго Аванасія Аванасевича своимъ пѣніемъ. Этотъ очеркъ введетъ насъ in medias res.

Въ 1856 году Фетъ проживалъ въ отпуску въ Москвѣ, на Басманной. Здѣсь, послѣ 12 лѣтъ разлуки, онъ снова встрѣтился со старымъ товарищемъ и одноклассникомъ по Московскому университету, Григорьевымъ. Дѣло происходило лѣтомъ. „Григорьевъ, разсказываетъ Фетъ, несмотря на палящій зной, чуть не ежедневно являлся ко мнѣ на Басманную изъ своего отцовскаго дома на Поляны. Это огромное разстояніе онъ неизменно проходилъ пѣшкомъ, и вдобавокъ съ гитарой въ рукахъ. Смолodu онъ учился музыкѣ у Фильды и хорошо игралъ на фортепиано, но, ставъ страстнымъ цыганистомъ, промѣнялъ рояль на гитару, подъ которую слабымъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ цыганскія пѣсни. Къ вечернему чаю ко мнѣ нерѣдко собиравались два-три пріятеля-энтузіаста, и у насъ завязывалась оживленная бесѣда. Входилъ Аполлонъ съ гитарой и садился за нескончаемый самоваръ. Несмотря на блѣдный голосокъ, онъ доставлялъ искреннюю и мастерствомъ своего пѣнія дѣйствительное наслажденіе. Онъ собственно не пѣлъ, а какъ бы пунктиромъ обозначалъ музыкальный контуръ пѣсней“.

— Спойте, Аполлонъ Александровичъ, что-нибудь.

— Спой въ самомъ дѣлѣ.—И онъ не заставлялъ себя упрашивать.

Пѣвалъ онъ по цѣлымъ вечерамъ, время отъ времени освѣжаясь новымъ стаканомъ чаю, а затѣмъ нерѣдко около полуночи уносилъ домой пѣшкомъ свою гитару. Репертуаръ его былъ разнообразенъ, но любимую его пѣсней была венгерка, перемежавшаяся пріпѣвкомъ:

Чибирыкъ, чибирыкъ, чибирышечки,
Съ голубыми ты глазами, моя душечка.

Понятно, почему эта пѣсня пришлась ему по душѣ, въ которой набѣгавшее скептическое вѣяніе не могло загасить пламенной любви красоты и правды. Въ этой венгеркѣ сквозь комически-плясовую форму прорывалась тоскливый разгулъ погибшаго счастья. Особенно отътѣнялъ онъ куплеты:

Подъ горой то-ольха,
На горѣ-то вишня;
Любилъ барина цыгачочку,
Она замужъ вышла*.

По обыкновенію всѣхъ мемуаристовъ, Фетъ запомнилъ и сдѣлалъ ошибку: приведенное имъ четверостишіе не принадлежитъ Григорьеву, первые же два стиха, хотя и искаженные Фетомъ, дѣйствительно Григорьевскіе.

Дальше въ разсказѣ „Кактусъ“ идетъ рѣчь о томъ, какъ Григорьевъ возилъ своего друга въ Грузію къ Ивану Васильеву послушать пѣніе влюбленной цыганки, красавицы Стеши.

„Слегка откинувъ свою оригинальную, дѣтски-задумчивую головку на дѣйствительно тяжеловѣсную, съ отливомъ воронова крыла, косу, она все унеслась въ свои пѣсни. Увѣренный, что теперь она не обратитъ на меня ни малѣйшаго вниманія, я придвинулъ свой стулъ настолько, что могъ видѣть ее почти въ профиль, тогда какъ до сихъ поръ могъ любоваться только ея затылкомъ. Когда она запѣла:

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Прежнюю нашу любовь,

чуть замѣтная слезинка сверкнула на ея темной рѣсницѣ. Сколько нѣтъ, сколько грусти и красоты было въ ея пѣніи! Но вотъ она взяла нѣсколько аккордовъ и запѣла пѣсню, которую я только въ первой молодости слыхивалъ у московскихъ цыганъ, такъ какъ современные пѣть ее не рѣшались. Пѣсня эта, не выносившая посредственной пѣвицы, извѣстная:

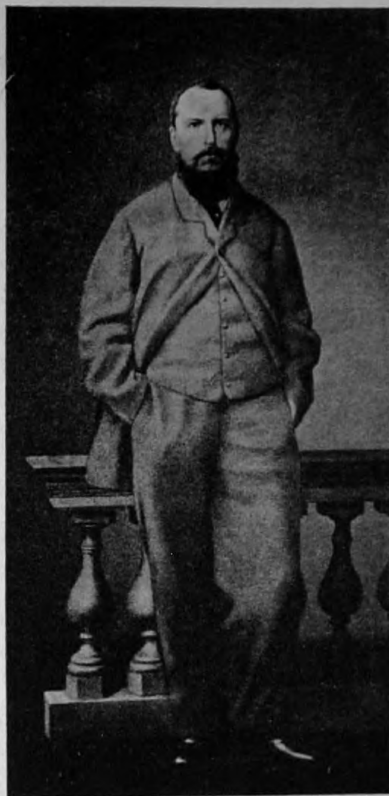
„Слышишь ли, разумѣешь ли?“

Стеша не только запѣла ее мастерски, но и расположила куплеты такъ, что только съ тѣхъ поръ самая пѣсня стала для меня понятна какъ выскій образчикъ народной поэзіи. Она спѣла такъ:

Ахъ ты злодѣй, ты злодѣй,
Добрый молодецъ.
Во моемъ ли саду
Соловей поетъ,
Громко свищетъ.
Слышишь ли,
Мой сердечный другъ?
Разумѣешь ли,
Жизнь-душа моя?

Пѣсня полна всевозможныхъ переливовъ, управляемыхъ минутнымъ вдохновеніемъ. Я жадно смотрѣлъ на ея лицо, отражавшее всю охватившую ее страсть. При послѣднихъ стихахъ слезы градомъ побѣжали по ея щекамъ. Я не выдержалъ, вскочилъ со стула, закричалъ: браво! браво! и въ ту же минуту опомнился. Но уже было поздно. Стеша, какъ испуганная птичка, упорхнула*.

О томъ, какія чувства испытывалъ въ это время Григорьевъ, Фетъ не говоритъ ни слова. Между тѣмъ въ годъ описываемыхъ событій драма, начало которой было положено еще пять лѣтъ назадъ, приближалась къ концу: та, которую любилъ Григорьевъ, вышла замужъ. Въ слѣдующемъ, 1857 году онъ уѣхалъ заграницу въ качествѣ воспитателя князя Ивана Юрьевича Трубецкаго (умеръ лѣтомъ 1915 года въ Парижѣ). Въ Италіи Григорьевъ написалъ поэму: „Venezia la bella. Дневникъ страстующаго романтика“. Въ ней онъ туманно и осторожно для непосвященныхъ

Аполлонъ Григорьевъ.

(Съ копій, принадлежащей Пушкинскому
Дому при Академіи Наукъ).

касается недавней своей раны. Благородно ли, однако, спрашивать Григорьевъ, пытаться говорить о томъ, что нужно осторожно беречь, лелѣть, свято чтить? И отвѣчать:

Да! это безобразно и ничтожно...
Я знаю самъ... Но такъ тебя любить
Другому, кто бъ онъ ни былъ,—невозможно...
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ судьба меня
Ни бросила—съ собой мечту одну я
Носу вездѣ: въ топль ли, въ шумъ ль дня,
Одинъ ли, въ ночь безсонную тоскую,
Какъ молодость, какъ свѣтъ, какъ благодать
Зову тебя!

Первую половину 1850-хъ гг. Аполлонъ Григорьевъ считалъ самою лучшею, самою свѣтлою порою своей жизни. Цѣлымъ и яркимъ явленіемъ въ московской жизни начала 50-хъ гг. былъ кружокъ, образовавшійся вокругъ Островскаго. Люди этого кружка и задушевные сходы подробно описаны С. В. Максимовымъ и И. О. Горбуновымъ. Время, проведенное въ кружкѣ, было для Григорьева „настоящею молодостью“. „Все „народное“, даже „мѣстное“, что окружало мое воспитаніе,—писалъ онъ въ послѣдствіи,—все, что я на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣніямъ науки и литературы, поднимается въ душѣ съ нежданною силою и растетъ, растетъ до фанатической, исключительной вѣры, до нетерпимости, до пропаганды...“ Въ одномъ письмѣ изъ заграницы вспоминаетъ онъ собранія кружка, извѣстнаго въ исторіи литературы подъ названіемъ „молодой редакціи Москвитинна“, хотя далеко не всѣ его члены работали въ этомъ журналѣ Погодина. Собранія происходили нерѣдко въ винномъ погребокѣ, „въ миломъ погребокѣ друга нашего Михайлы Ефремыча (который тоже дописалъ до бѣсовъ)—подъ звуки венгерки въ двѣ гитары... мѣстъ безпутства и поэзіи, монологовъ изъ „Маскерада“ въ пьяномъ образѣ, за вѣтнихъ пѣсень: „Улетаетъ мой соколикъ“, „Вспомни“, „Дороженька“, „Прахъ“,—вдохновенныхъ и могучихъ рѣчей Островскаго, остроумія Евгения, гологовъ Филиппова и Михайлы Ефремова, серьезности и остроты Садовскаго, тонкаго ума Дмитрія Визара, метеорства покойника Дьякова... всего, что называется молодостью, безпутство, любовь, безуміе, безобразіе, поэзія...“

Въ 1851 году Григорьевъ познакомился съ семействомъ Якова Ивановича В., бывшаго воспитателемъ въ мужскомъ отдѣленіи Воспитательнаго дома въ Москвѣ. Григорьевъ въ этомъ среднѣмъ учебномъ заведеніи преподавалъ словесность. Я. И. В. былъ по духу и воспитанію русскимъ: Москва была его родиной. По религіи онъ былъ кальвинистъ. Чистый математикъ по образованію, полученному въ одномъ изъ швейцарскихъ университетовъ, онъ однако занимался преподаваніемъ „parler français“, что было въ тѣ времена болѣе выгоднымъ занятіемъ. Жили В. въ главномъ корпусѣ здания, и во время большой перемены Я. И. нерѣдко приглашалъ учителей къ себѣ „выкурить трубку“. Но изъ всей учительской массы только одинъ Апол. Алекс. по его же выраженію, „пришелъ ко двору“ и сталъ настоящимъ знакомымъ. Вскорѣ онъ сблизился съ мужской половиной семьи, такъ какъ былъ, по словамъ лица, сообщившаго намъ эти свѣдѣнія, „очень пріятнымъ собесѣдникомъ—умный, подвижный, живой, обладавъ большимъ запасомъ разнообразныхъ знаній. Была у него довольно большая бібліотека“. Подъ предлогомъ снабжать книгами женскую половину семьи, онъ сталъ часто заходить. И такимъ-то образомъ по-

любилъ одну изъ дочерей В., Леониду Яковлевну. Она была „замѣчательно изящна, очень умна, хорошенькая, талантлива, превосходная музыкантша... Умъ у нея былъ очень живой, но характеръ очень сдержанный и осторожный. Григорьевъ часто съ досадою называлъ ее пуританкой. Противоположностей въ ней было масса, даже въ наружности. Прекрасные, густѣйшіе, даже съ синеватымъ отливомъ, какъ у цыганки, волосы и голубые, большіе, прекрасные глаза. Съ ея стороны не было взаимности никакой“. Трагизмъ всему положенію придавало еще то, что Григорьевъ былъ давно женатъ, имѣлъ трехъ сыновей.

Въ 1856, а быть можетъ и въ началѣ 1857 года, Л. Я. вышла замужъ за инженеръ-поручика, помѣщика Чембарскаго уѣзда Пензенской губерніи и драматурга, автора комедій „Купецъ-лабазникъ“

и „Омутъ“, изъ которыхъ первая по дарованію, не уступала знаменитому „Банкроту“ Островскаго, Михаила Николаевича Владыкина (род. 1830, ум. 1887) и уѣхала изъ Москвы на родину мужа.

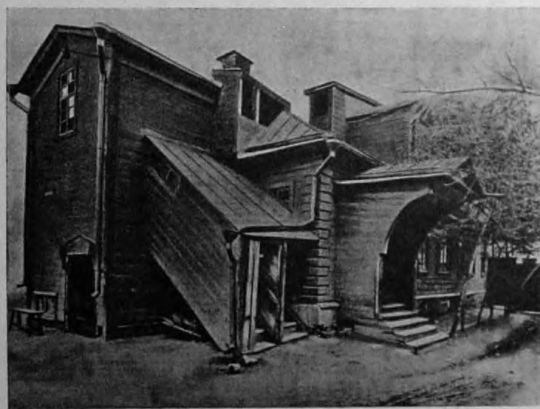
Вотъ кто былъ тотъ „свѣтлый сальфъ съ душой изъ крѣпкой стали“, котораго „такъ любить другому, кто бъ онъ ни былъ, невозможно“. Ясно, что „Цыганская венгерка“, написанная въ 1856-57 гг., была заключительнымъ аккордомъ разыгравшейся драмы.

Чибирякъ, чибирякъ,
чибирячекка,
Съ голубыми ты глазами, моя
душечка!
Замолчи, не занимая,
Лопни, квинта злая!
Ты про нихъ не поминай...
Безъ тебя ихъ знаю!
Въ нихъ хоть разъ бы поглядѣть
Прямо, ясно, смѣло...
А потомъ и умереть
Плевое ужъ дѣло!

И еще:
Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата...
Что за дѣло, ты моя!
Развѣ любить онъ, какъ я?
Нѣтъ—ужъ это дудки!
Доля злая ты моя,
Глупы эти шутки!
Намъ съ тобой, моя душа,
Жизнью жить одною,
Жизнь вдвоемъ такъ хороша,
Порознь—горе злое!
Эхъ, ты жизнь, моя жизнь...
Къ сердцу сердцемъ прижмись!
На тебѣ грѣхъ не будетъ,
А меня пусть люди судятъ,
Меня Богъ проститъ...
Что не ноешь ты, мое
Ретиво сердечко?
Я увижу ль у нея
На рукѣ колечко!..
Басанъ, басанъ, басана,
Басаната, басаната,
Ты другому отдана
Безъ возврата, безъ возврата!
Эхъ—на ты, завей
Веревочкой горе...
Загуляй да зайей,
Топи тоску въ морѣ!

Домъ Григорьевыхъ въ Москвѣ, на Малой Полянкѣ, у Спаса въ Наливкахъ, въ Замоскворѣчѣ.
(Съ фотографіи 1915 г., принадлежащей Пушкинскому Дому при Имп. Академіи Наукъ).

То же. Видъ со двора.

„Цыганская венгерка“, „тоскливый разгулъ погибшаго счастья“, по словамъ Фета, была прощаніемъ съ невозвратимымъ прошлымъ... „Для одной только женщины, писалъ Григорьевъ, въ мірѣ могъ я изъ бродяги-бездомельника, кочевника, обратиться въ почтеннаго и можетъ быть (чего не можетъ быть?), въ нравственнаго мѣшанина... Да нѣтъ! Зачѣмъ хочу я намѣренно набросить тѣнь насмѣшки на то, что было свято какъ молитва, полно какъ жизнь, съ чѣмъ слиялась и вѣра въ борьбу, на чѣмъ выросла и окрѣпла религія свободы?... Зовите меня сумасшедшимъ, другъ мой, но я и умираю не повѣрю, чтобы эта женщина была не то, чѣмъ душа моя ее знала...“

Любовь, Москва, вторая „настоящая молодость“ въ кружкѣ Островскаго, дружба съ цыганами, все минуло. Изъ заграницы Григорьевъ, какъ въ дни юности, вернулся въ Петербургъ, гдѣ и застала его преждевременная смерть.

Влад. Княжнинъ.

„Письмо“, рис. Мисс.

С. И. ЮНКЕРЬ.

Художница Софія Ивановна Юнкеръ, рожденная Крамская, осталась послѣ смерти отца дѣвушкой-подросткомъ, занималась подлѣ его руководствомъ живописью не болѣе двухъ лѣтъ.

И. Н. Крамской, чрезвычайно строго въ области искусства относившейся и къ себѣ, и къ другимъ, — послѣ перваго же опыта дочери масляными красками — портрета г. В. И. И. — сталъ настаивать, чтобы она училась живописи серьезно, но дочь, у которой

Художн. Соф. Ив. Юнкеръ, рожд. Крамская.

обнаружился еще прекрасный голосъ, увлеклась пѣніемъ и нѣсколько отвлеклась отъ живописи. Однако, по смерти отца она не забросила любимаго искусства и продолжала заниматься рисованіемъ подлѣ руководствомъ художника Литовченко, а позже акварелью у покойнаго А. П. Соколова, пользовалась также совѣтами Куинджи.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, вмѣстѣ съ одной знакомой англичанкой, С. И. Крамская уѣхала на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ. Это была веселая, красивая жизнь, столь захватывающая молодыхъ художниковъ! „Купались“, жадно впитывали атмосферу искусства и наслаждались этими пере-

Дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. „Она собирается увезти губернаторскую дочку“, (Мертвыя души, ч. I, гл. 9). Миниатюра раб. С. И. Юнкеръ.

Головка боярыни. Миниатюра раб. С. И. Юнкеръ. (Соб. О. Г. Базанкуръ).

живаніями. Съ восьми утра до 12 — усердное рисованіе въ atelier съ живой модели; иногда заходилъ къ молодымъ художникамъ старшій другъ Крамского — М. М. Антокольскій, подбадривалъ, давалъ указанія, совѣты... а затѣмъ цѣлые дни, до изнеможенія — Louvre, Luxembourg, выставки, дворцы — сплошной праздникъ молодости, богатыхъ силъ души и таланта.

Вернувшись въ Петроградъ освѣженная и болѣе увѣренная въ себя, С. И. продолжала много и усердно работать.

Выставляла она и выставяла очень мало. Причиной тому — строгость къ себѣ, доходящая до мнительности, до болѣзни. Цѣлый каталогъ составилъ бы изъ всѣхъ написанныхъ ею картинъ и заказныхъ портретовъ. Въ числѣ послѣднихъ — портретъ Императрицы Маріи Феодоровны (для русскаго отдѣла на выставкѣ въ Чикаго), другой портретъ (наход. у Вел. Кн. Ксеніи Александровны), еще одинъ находящійся въ Гатчинѣ, нѣсколько портретовъ Императрицы Александры Феодоровны (въ томъ числѣ заказной для Павловскаго полка), портреты Великихъ Князей и Княгини: Елены Владиміровны (акварель въ ростъ, наход. у Ея Высочества), Елизаветы Маврикіевны — наход. у Ея Высочества, такъ же, какъ и портр. Вел. Кн. Константина Константиновича въ костюмѣ Гамлета, Вел. Кн. Михаила Александровича (для Гатчины), Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны, Наслѣдника Цесаревича (наход. у Ея Величества), и множества лицъ свѣтскаго и артистическаго міра, — Алексан. Никола. Нарышкиной, писательницы М. В. Картавцевой-Крестовской, докт. Боткина, В. Н. фонъ-Дервизъ, графа Воронцова-Дашкова и его дочери, Мар. Гавр. Савиной и мн. др.

Въ послѣдніе годы С. И. увлекается миниатюрой — какъ портретами, такъ и композиціями, образцы которыхъ и воспроизводятся при настоящей статьѣ.

О. Б.—рѣ.

Портретъ-миниатюра лорда N.

ВЫСТАВКА А. П. ШНЕЙДЕРЬ.

Более двухсот больших, маленьких и совсем крохотных, не больше дамской брошки, акварелей посвящены почти исключительно русской флоре.

Мягкие краски северных садов и лугов чередуются с яркими, цветистыми пятнами и буйной зеленью знойного юга.

Художница умело передает характерные особенности каждого цветка и с большим вкусом выбирает свои мотивы. В отличие от других флористок, обыкновенно превращающих природу в "мертвую натуру" в виде корзинок с ландышами

А. П. Шнейдеръ.
Розы.

А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ
„Харакса“. Май.

или вазъ съ цвѣтами, она беретъ свои мотивы цѣлкомъ въ той обстановкѣ, гдѣ встрѣчается съ ними.

Ея цвѣты, неразрывно связанныя съ окружающимъ ихъ пейзажемъ, производятъ портретное впечатлѣнiе и далеки отъ обычныхъ утомительныхъ *nature morte* овъ. Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ея работахъ занимаетъ флора южнаго берега Крыма. Лилово-розовыя душистой глицинiи, огненно-красныя маки, ижно-розовыя цвѣты лудина дерева и бесконечно разнообразныя розы,—весь букетъ крымской весны.

Много работъ посвящено роскошному парку собственнаго Его Величества имѣнiя „Ливадiя“, а также душистымъ цвѣтникамъ „Харакса“, имѣнiя Великаго Князя Георгия Михайловича, около Ал-Тодора, гдѣ весною 1913 года много работала г-жа Шнейдеръ.

Художница не чуждается и болѣе скромной флоры средней полосы Россiи. Ея палитра рассказываетъ и о садахъ помѣщичьихъ усадѣбъ съ неизбѣжными кустами сирени, розовыми пионами и красными, какъ кумачъ, мальвами.

Нѣсколько работъ посвящено англiйскимъ паркамъ „Кенсингтонъ“, римскимъ вилламъ, „Виллѣ Квита“ (ранше Наполеона) и мотивамъ Капри.

Шнейдеръ съ дѣтства чувствовала влеченiе къ живописи; быть можетъ, сказались кровы

А. П. Шнейдеръ.
„Хараксъ“. Фонтанъ
„Дельфины“.

Мастерская А. П. Шнейдеръ.

Перепечатка безъ указанія источника воспрещается; перепечатка группъ и портретовъ вообще воспрещается. Законъ 20 марта 1911 года.

ся предка, архитектора времени Екатерины II, участвовавшего въ постройкѣ многихъ зданій Петербурга.

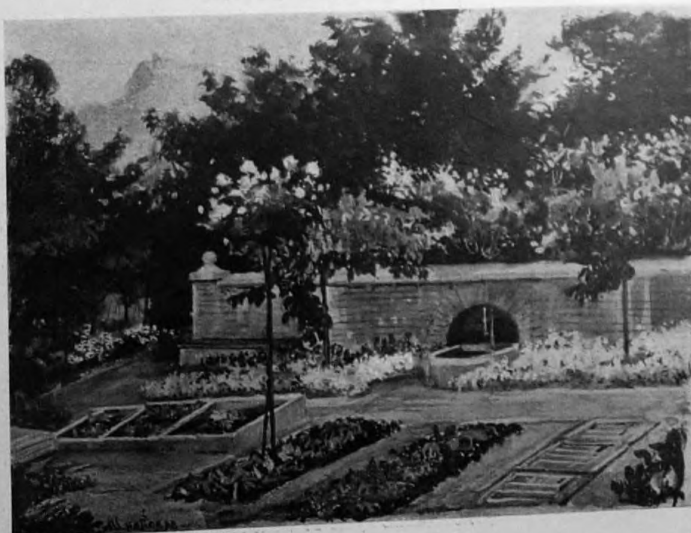
Окончивъ натурный классъ школы Общества Поощренія Художествъ подъ руководствомъ академика Цюнглинскаго, г-жа Шнейдеръ неоднократно работала въ мастерскихъ Парижа, пользуясь указаніями Collet, Jules Simon и особенно Maxime Faivre'a, оказавшаго наибольшее вліяніе на развитіе ея художественнаго творчества.

Участвуя въ выставкахъ Общества Акварелистовъ, „весенней“, въ парижскомъ Салонѣ и въ международныхъ въ Мюнхенѣ и Римѣ, 8 лѣтъ тому назадъ г-жа Шнейдеръ устроила отдѣльную выставку своихъ работъ въ залахъ Общества Поощренія Художествъ.

Гирлянды розъ кисти Шнейдеръ украшаютъ фронтъ и плафонъ въ залахъ Мошногогорскаго имѣнія Е. А. Балашевой и въ Троицкомъ М. М. Скарятинной. „Золотой дождь“ находится въ акварельномъ собраніи кн. М. К. Тенишевой въ Музеѣ Александра III. Много мотивовъ разнообразной русской флоры приобретено Академіей Художествъ для пополненія провинціальныхъ музеевъ, а также частными лицами.

Работы художницы неоднократно обращали на себя вниманіе Августѣйшихъ Особъ, которыми и были приобретены нѣсколько картинъ.

С. Кондаковъ.

А. П. Шнейдеръ. Въ цвѣтникахъ „Харакса“. Дѣтскій садъ.

КОРОБУШКА, рыж. к., р. 1909 г. В. В. Лежневъ, зав. С. Н. Конилина, отъ Пасъ-Роза 2:14¹/₄, з. С. Ф. Эмери и Клеопатры 2:17³/₄ з. кн. С. М. Голицына, Лучшая рѣзвость, 1 в. 1:28¹/₈ и 1¹/₂ в.—2:14¹/₈ по 22 декабря 1916 г., выиграла 59.603 р.
Побѣдительница приза въ честь Е. И. В. Вел. Кн. Татианы Николаевны 26 сент. 1916 г.

ТИРАНЪ, ин. ж. р. въ 1912 г., кн. Вяземскихъ, зав. соб., отъ Гей-Бенена 2:12¹/₈, зав. Ф. А. Ли и Тили 2:35¹/₈ з. кн. А. Д. Вяземскаго, Лучшая рѣзвость: 1 в.—1:34, 1¹/₂ в.—2:10¹/₈ по 22 декабря 1916 г., выиграла 67.143 р.
Побѣдитель приза въ честь Константина Лопиновича Вахтера, 19²⁰/₂₁ 1916 г.